

Михаил Безродный

Ветхий Данте упадает

Сперва освежим в памяти верлибр Блока:

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух Макбета.

Едва дойдя до пузырей земли,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

© Michail Bezrodnyj, 2010

© TSQ 32. Spring 2010.
<http://www.utoronto.ca/tsq/>

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

Имена, названные в финале, позволяют обнаружить в сцене чтения «Макбета» переключку со знаменитым сюжетом о чтении «Ланселота». Совпадений с этим сюжетом, однако, больше, чем кажется на первый взгляд: роль ревнивого мужа, застигнутого любовников *in flagrante delicto*, выполняет кот, подстерегающий голубей; сцене чтения предпослан образ уроненной книги («толстый том художественного журнала»). Фигура мужа нередка в иконографии сюжета, а падающую или упавшую книгу можно увидеть на полотнах Энгра («Paolo et Francesca», 1819), Кабанеля («La mort de Françoise de Rimini et de Paolo Malatesta», 1870), Халле («Paolo and Francesca», 1888) и Дикси («Paolo and Francesca», 1894).

И другая история. Не хозяин-поэт читает гостье (уронившей книгу), а хозяйка играет на рояле гостю-поэту. Который, однако, слушает невнимательно, мало того — затевает с другим гостем драку, так что «полетели во все стороны разорванные листы Рахманинова». Узнали? «Алмазный мой венец», история о попытке развлечь пришедшего в гости Есенина. Сопоставлять эту историю с блоковской не стоило бы, если бы не сходство в реакциях обоих рассказчиков:

Едва дойдя до пузырей земли,
О которых я не могу говорить
без волнения...

Она сыграла на рояле несколько
прелюдов Рахманинова, которые я
не могу слушать без волнения...

«Он дирижировал...»: Материалы к комментарию

Он дирижировал кавказскими горами
И машучи ступал на тесных Альп тропы,
И, озираючись, пустынными берегами
Шел, чуя разговор бесчисленной толпы.

Толпы умов, влияний, впечатлений
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль глядела в зеркало явлений,
А Лия пела и плела венки.

Он дирижировал ... горами — Умерший, Андрей Белый, предстает Орфеем, искусство которого приводило в движение камни и смерть которого камни оплакивали. Ср. также ранний вар. этой строфы: «Ему кавказские кричали горы / И нежных Альп стесненная толпа; / На звуковых громадах крутые всходы / Его ступала зрячая стопа». Кажется, нет надобности писать о том, какое место в биографии Белого занимали Альпы и Кавказ.

машучи — Возможно, здесь это слово — производное от *оронима*, который устойчиво ассоциируется со смертью поэта. Ср. у Хлебникова: «На родине красивой смерти — Машуке...».

тропы ... толпы ... Рахиль ... Лия — Соседство рифмопары «тропы : толпы» с именами персонажей, выступающих «в роли двух ипостасей сложной и противоречивой музыки скончавшегося поэта»¹, перекликается с другими стихами *in metonymiam* — написанными Бальмонтом: «И там вдали, где роща так туманна, / Где луч едва трепещет над тропой, — / Елена, Маша, Лиза, Марианна, / И Ася, и несчастная Сусанна — / Собрались воздушною толпой».

тропы ... Рахиль ... А Лия — Образы Рахили и Лии «не следует выводить прямо из Библии: Мандельштам их заимствовал из „Чистилища“ Данте»². Прочтение Библии «по

¹ Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 103–104.

² Там же. С. 104.

Данту» было опосредовано опытом Вяч. Иванова, который в поэме «Сфинкс» и в сонете «Transcende te ipsum» тоже разрабатывает символику Рахили и Лии с опорой на «Чистилище». Мало того, именно «Transcende...» позволяет прояснить неочевидную в восьмистишии Мандельштама связь финала (о Рахили и Лии) и зачина (о тропях). У Иванова речь идет о тропях Рахили и Лии: «Два жала есть у царственного змия; / У ангела Порывов — два крыла. / К распутию душа твоя пришла: / Вождь сей тропы — Рахиль; и оной — Лия. <...> Рахиль: «Себя преиди — в себя сойди». / И любит отчужденного в Одном, / А Лия — отчужденного в Раздельном». В пользу этой параллели говорит использование в обоих текстах одной и той же конструкции: «Рахиль... / А Лия...».

Лия пела и плела венки — Лия ведет себя подобно Офелии в переводе «Гамлета», выполненном Полевым («Офелия плела венки и пела»; наблюдение А. Л. Соболева), у Фета («Офелия гибла и пела, / И пела, сплетая венки») и у Блока («А девушка, венки сплетая, / Все пела...»). Стоит обратить внимание и на переключку имен Лия и Офелия, тем более важную, что Лия — имя заместительницы и в Библии («Утром же оказалось, что это Лия»), и в индивидуальной мифологии Мандельштама («Ты будешь Лия — не Елена!»).

Русский О. Генри

Уже приходилось отмечать³, что уподобление трофея десерту в «Золотом теленке»:

Внизу на тарелочке лежал незнакомый город. Он был нарезан аккуратно, как торт

— восходит к «Babes in the Jungle» О. Генри, где один жулик отождествляет город, обреченный стать легкой добычей, со сладким:

³ Подробнее см.: Безродный М. Пиши пропало. СПб., 2003. С. 37—39.

I've been saving New York for dessert

— а другой сомневается:

It don't dawn upon me that it's ours with a cherry in it.

В переводе Азова эти реплики звучат так:

Я берег Нью-Йорк для десерта.

Мне не кажется, что он так уж и лежит перед нами готовый: пожалуйте, мол, меня кушать.

Как видим, авторы «Теленка» добавили от себя выражение «на тарелочке» (ср. также «блюдечко с голубой каемкой»), используя такие его значения, как «(поднесено) в готовом виде», «(получено) без усилий» и «ясно видно».

Это добавление, вероятно, отразилось на переводе рассказа О. Генри, выполненном Калашниковой:

У меня нет такого впечатления, что этот городишко уже выложен для нас на тарелочку и даже ложка рядом.

Похожий пример. В «The World and the Door» начало кутежа описано так:

Two deep-sea cabmen were chartered. At Columbus Circle they hove to long enough to revile the statue of the great navigator, unpatriotically rebuking him for having voyaged in search of land instead of liquids.

В переводе Гуровой противопоставление суши и жидкости заменено противопоставлением континентов и пивных:

Зафрахтовали два кэба дальнего плавания; на площади Колумба легли в дрейф и долго поносили великого морепла-

вателя, непатриотично упрекая его за то, что он открывал континенты, а не пивные.

По всей видимости, эта замена была подсказана популярным вакхическим гимном:

Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
Дурак, уж лучше бы открыл
На нашей улице пивную!

Роза и жаба

На их антитезе построены «Сказка о жабе и розе» Гаршина и «Людские предрассудки» Белого⁴, но ниже речь пойдет о есенинском «Мне осталась одна забава...». Зачин:

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и веселый свист

напоминает строки из стихотворения Манделштама о розе:

У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Центральная тема здесь — снятие оппозиции («Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы»). То же — у Есенина:

Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

⁴ «Зрю паросские розы... Мне говорят: „Это — жабы“. От сладковеющих роз прочь с омерзеньем бегу. Зрю — безобразная жаба сидит под луной на дороге. „Роза“ — мне говорят: жабу прижал я к груди». Так по автографу опубликовано в: Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 472. С заменой «паросские» на «пафосские» (основание — «Не розу пафосскую...» в пушкинском «Отрывке» 1830 г.) опубликовано в: Белый А. Стихотворения и поэмы. СПб.; М., 2006. Т. 1. С. 471, 616.

Мотив венчания находит параллель у Соловьева:

Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.
.....
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древнего змея,

а цветовой контраст — у Жуковского:

Дрожа как лист, одежду он раскрыл...
И там (увидел он) сидел,
Как жаба черная на белых розах,
В груди кинжал, до рукояти
В нее вонзенный, как в ножны⁵.

Таковы возможные «претексты»⁶. Два слова о «посттекстах». Основанием для снятия антитезы в «Мне осталась...» служит убеждение, что «коль черти в душе гнездились — Значит, ангелы жили в ней». Этой образностью в своей книге о Гоголе воспользуется Воронский (за десять лет до того подвергший «Мне осталась...» суровой критике): у Гоголя, напишет он, «низкая вещественность мира совмещается с горними полетами духа: ведь человек это — черт и ангел, роза и жаба, колдун и святой».

Менее очевидной кажется зависимость от «Мне осталась...» следующих строк из «Фаэтончика» Мандельштама:

Словно розу или жабу,
Он берег свое лицо⁷.

⁵ Так Жуковский перевел стихи Рюккерта: «Wegriss er das Gewandt und sah, wie einen Molch / In Rosen, in der Brust dort sitzen seinen Dolch» (Rostem und Suhrab: Eine Heldengeschichte in zwölf Büchern von Friedrich Rückert. Erlangen, 1838. S. 105). Molch — собственно, не жаба, а тритон.

⁶ См. также сопоставление со «Сказкой о жабе и розе» Гаршина: Чижов А. Всеволод Гаршин и Сергей Есенин // Моск. вестн: Журн. моск. писателей и Лит. ин-та. 2008. № 2. С. 266—270.

Смысл сравнения лица с «розой или жабой», надо признать, ускользает.

Не в свои сани

Сюжет: земная оболочка агента трансцендентных сил теряет прочность; согласие улучшить условия ее существования (= изменить предназначению) разрушает ее полностью.

Примеры:

«Шинель» Гоголя. Герою на роду написано быть точной копией и совершенным копировальным устройством. Безуспешны попытки «переименовать» его:

«Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его»

и модернизировать программу его поведения:

... из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать.

Обстоятельства все же заставляют его нарушить заповедь «не в свои сани не садись»⁸, и он погибает.

⁷ Сопоставить эти тексты Есенина и Мандельштама предлагают комментаторы в: Мандельштам О. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 519.

⁸ В новой шинели Акакий Акакиевич отправляется в богатую часть города, где его поджидают неведомые ему прежде соблазны. Переход в это пространство сопровождается противопоставлением саней — бедных и богатых: «...реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками, — напротив, все попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами...».

«Красавица» Набокова. В жанре рассказа из эмигрантской жизни излагается любимый символистами сюжет о сошествии на землю Вечной Женственности. Ее земное воплощение, Ольга Алексеевна, не принадлежит никому и «бесстрастна в чистоте», подобно блоковской Российской Венере, но, вопреки соловьевскому видению, не «в теле нетленном на землю грядет», а страдает от житейской неустроенности:

...волосы потеряли лоск, были плохо подстрижены, черному костюму пошел четвертый год, руки с блестящими, но неряшливыми ногтями были в выпуклых жилках и дрожали от нервности, от хулиганского курения, — и лучше умолчать о состоянии чулок. <...> в сумке шелковые внутренности были так изодраны <...> надевая единственные башмаки, она заставляла себя не думать об их подошвах.

Ольгу Алексеевну знакомят с немцем, просившим «подыскать ему невесту — „настоящую русскую красоту“». Она вынуждена принять его предложение и следующим же летом умирает родами.

На полях «Защиты Лужина»

В рецензии на книгу Кобякова «Керамика» Набоков цитирует стихотворение, в котором «поэт, сидя в таверне, рвется „через дым, через звуки туда, где медленно плыло норвежское судно — на плоских обоях — в пятнистую даль“»⁹, однако не опознает здесь реминисценцию драмы Блока «Незнакомка» — деталь интерьера уличного кабака, повторяющаяся в ремарках 1-го акта¹⁰.

⁹ Рувль. 1927. 11 мая. Цит. по.: Набоков В. Рассказы; Приглашение на казнь: Роман; Эссе, интервью, рецензии. М., 1989. С. 347.

¹⁰ «На обоях изображены совершенно одинаковые корабли с огромными флагами. Они взрезают носами голубые волны»; «Корабли на обоях, кажется, плывут близко, а все не могут доплыть»; «Корабли на обоях плывут, вспенивая голубые воды».

Странно, ведь к «Незнакомке» Набоков был неравнодушен. Так, в «Подвиге» герою кажется «что уже где-то, когда-то были сказаны эти слова (как в «Незнакомке» Блока)». Имеется в виду ключевая ремарка 3-го акта, подчеркивающая сходство его диалогов с диалогами 1-го акта: «Все становится необычайно странным. Как будто все внезапно вспомнили, что где-то произносились те же слова и в том же порядке».

Отсылка очевидная — с указанием точного адреса, а есть и не слишком очевидные. Так, в философской трагедии, которую в «Даре» читает Буш, пьяных моряков зовут Фалес, Анаксимен, Пифагор и Гераклит, и это позволяет вспомнить пьяного мудреца из 1-го акта «Незнакомки» — «вылитого Верлена»¹¹. Со 2-м актом «Незнакомки» перекликаются такие места в «Лолите», как «Супермен в голубой пелерине» и «Я подошел к Марии (ибо таково было ее звездное имя)»¹².

Здесь хотелось бы обратить внимание на сходство финальных сцен «Незнакомки» и «Защиты Лужина»: в обеих изображается «бегство жениха»¹³:

У темной занавеси уже нет никого.
За окном горит яркая звезда. Па-
дает голубой снег, такой же голу-
бой, как вицмундир исчезнувшего
Звездочета.

Дверь выбили. «Александр Ивано-
вич, Александр Иванович!» — за-
ревело несколько голосов. Но ни-
какого Александра Ивановича не
было.

¹¹ См.: Двинятин Ф. Набоков, модернизм, постмодернизм и мимесис // Империя N: Набоков и наследники: Сб. ст. М., 2006. С. 461—462.

¹² См.: Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004. С. 327—328, 336.

¹³ Оба финала (как и финал «Балаганчика»; отмечено в: Минц З. Г. Блок и Гоголь // Блоковский сб. Тарту, 1972. [Вып.] 2. С. 151) отсылают также к «Женитьбе» Гоголя.